

Лит. - 93. - 1992. - 4 ноября - 0.8

Лидия ПОЛЬСКАЯ

Портрет на фоне Парфенова

Мне всегда не хватало окончания в названии этой передачи: «Портрет на фоне»... На фоне чего?

стариков сленгом, устраивая веселые похороны пуританским нравам старого ТВ, прагматиков — беззаботностью (часто лишь показной), кухонных русских интеллигентов — пренебрежением к шестидесятилетним переживаниям, а политиков по всему спектру — независимостью и частым применением очистительного лозунга «да пошли вы все!».

Все это очень, очень мило и в свою очередь может стать превосходным фоном для очередной программы Леонида Парфенова.

САМ ЖЕ он отличен склонностью к введливому погружению в материал, осмысленным ходам и ясному видению желаемого результата (эффекта) каждой передачи. Он сделал все, чтобы его первый выпуск с «Портретом на фоне» стал телевизионным событием — в той мере, в какой вообще можно рассчитывать на отклик сегодня. Он выбрал героя с нетривиальной судьбой, отчасти даже романтической, обернутой легендами, героя, известного на политической арене и совершенно не знакомого. Это был Джаба Иоселиани. Фон этой передачи был достаточно прямым, никем ранее не отработанным: не просто Тбилиси, а ось Тбилиси—Москва, маршрут, на котором держалась долгие десятилетия связь двух интеллигентских кланов. Имперский, столичный воздух Москвы — центр! — он же и центр притяжения, эталон, «заграница» в каком-то смысле для грузин. Блаженный зов Тбилиси, отзыв литературного — или олитературенного — восприятия Кавказа, держащегося (?) на клочках пушкинских и лермонтовских строк... Господи, да кто ж из русских, стоя на вершине у Джвари, не одобрил это великое стояние строчкой: «Обнявшись, будто две сестры, струи Арагвы и Куры...»

В отличие от многих коллег-сверстников, которые топчутся на отведенном им судьбой сиюминутном историческом пятачке, таща на экран с него все, что погорячее, Парфенов с легкостью присваивает себе чужие прошлые времена, чужие воспоминания и ностальгию. А ведь их надо почувствовать — их нельзя имитировать. Он, например, может не спрашивать

Людмилу Зыкину, а какая, мол, Людмила Георгиевна, самая любимая ваша песня? Он эту песню сам угадает — такую, которая бы, как «Марш энтузиастов» для времен развитого тоталитаризма, была бы стиливым знаком шестидесятых с его новым типом лирико-гражданственного переживания. Конечно же, он выбирает «Издалека дольга-а течет река Волга-а...» — апофеоз жидковатого сентиментализма половинчатого времени. Беспощадно! Не без того, потому что в этом цитировании — сопереживание вместе с естественным превосходством следующих за

Портрет Людмилы Зыкиной дан на фоне весны 1992 года, когда телевидение понемногу начало отрабатывать ностальгию и мифы застоя — как конца Большого стиля в его стерильном виде. На экране появились перешедшие в разряд воздыхательного ретро отрывки из обрывших когда-то юбилейных игрищ на сцене Кремлевского Дворца съездов. Когда ушла угроза фальшивого поклонения догматам, можно осмело вздохнуть, чтобы пережить ушедшие моменты просто как часть жизни. Какой бы она ни была и на какой бы режим ни пришлось.

Парфенов во всех своих передачах демонстрирует сладострастное влечение к музыке периода социалистического империализма (что-то, правда, сдается мне, что он еще не закончился). Он озвучивает ими и куски современной хроники, как бы накладывая пока еще немеркнувший отсвет прошедшего на современное состояние «хomo советикус». Правда, сочетание одного из сталинских маршей с пейзажами Ирландии (была у Парфенова и такая заграничная передача) выглядит несколько диковато: ирландцы-то при чем?

То, что Парфенов делает в своих программах, можно назвать «поправкой», внесенной новым поколением в свежие мифы. Сделано это умно, достаточно тактично, но с подчеркиванием дистанции; жестко, но очень вежливо. И, конечно, кто ж сейчас работает в эфире, не применяя иронии! Парфенов не исключение. Здесь он «в яду».

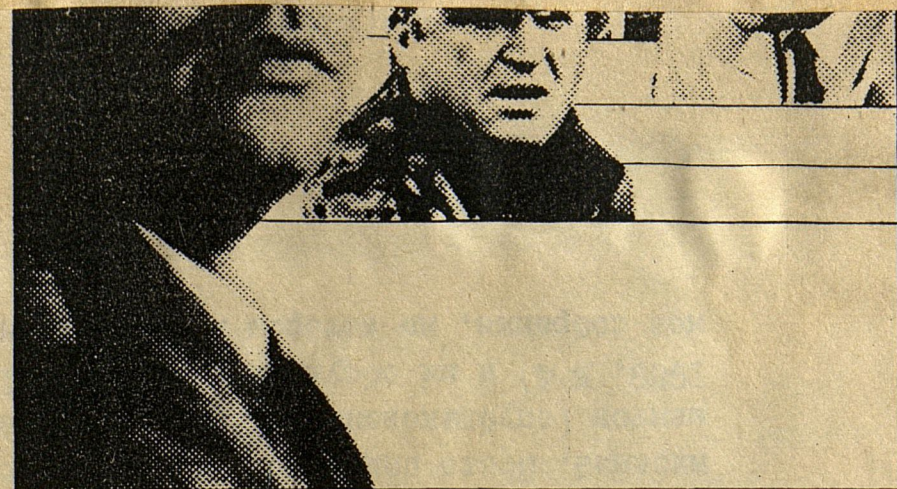
Наверное, приятнее и легче разговаривать с подирированным и безопасным

Урасом Оттом, излюбленные вопросы которого известны любому внимательному зрителю. Его интервью все больше похожи на анкету. Наверное, надо быть настороже, беседуя с введливым и насканивающим Андреем Карауловым. Но оба они одинаково ловят случайные слова и реакцию своих собеседников, быстро от них отталкиваются и продвигают вперед беседу, поддавая жару заготовленными или только что рожденными вопросами, целясь за любые крючки. Они должны отыгрывать посланные им мячи мгновенно, потому что, кроме очередного вопроса, нет у них других средств. Такого классического интервью.

Леонид Парфенов отказался от роли зеркала для собеседника. Он стер с лица улыбку из «Намедни», решил, что станет на экране суровым (получается часто — сумрачным) и что классические приемы пусть отрабатывают другие. Он протолкнул жанр дальше: насадил на каркас классического интервью все, что может дать кино (хронику, музыку, собственные съемки и тексты, монтаж), и поэтому во время беседы едва ли не безразличен к ответам. Он, слушая, держит в уме главное — свой «фон». Там, на «фоне», высказываться будет он. Там он волен, гуляет, как хочет, и чувствует себя хозяином биографии и истории, внутри которых располагается своего героя. Тот, конечно, увидев себя на экране на парфеновском «фоне», может почувствовать себя лишь «уважаемым объектом», но... ставки сделаны! Вы дали согласие на участие в игре — и только этот самый пригласивший знает, в какой контекст он вас посадит, с каким лицом вы появитесь в кадре и с каким имиджем выйдете из него перед финальными титрами. Где белым по черному написано: «автор — Леонид Парфенов». И трудно заметить тот трюк, тот момент, когда «фон» из угловатого ему вроде бы подчиненного, маргинального положения переместится на первый план. Вместе с ним выйдет и сам Леонид Парфенов.

Именно поэтому программа имеет все основания называться «Портрет на фоне Парфенова», и в таком виде название обретет искомую законченность.

В ЧЕМ-ТО Леонид Парфенов продолжает линию, начатую не им — еще во «Взгляде»: разговор о власти и с властью другим языком. Непоротое поколение хочет разорвать старинную российскую традицию или особенность менталитета, состоящая в том, что власти придает особый оттенок святости и мистического снисхождения на данную, чем-то особую территорию. Не исключено, что демистификация власти — одна из самых трудных и каверзных задач телевизионных сетей, справиться с которой смогут только, на мой взгляд, двадцати-, тридцатилетние. Шестидесятиникам же, рванувшим во второй забег, сил на это явно не хватило, хотя желание имелося. (Тут же к месту было задать один из самых увлекательных вопросов, которые невозможно решить без практики: состоялась ли власть тоталитарных режимов, если бы уровень информированности и коммуника-

Коллаж Натальи РАЙСКОЙ

ций был таким, как теперь? Но лучше бы такой эксперимент не ставить...)

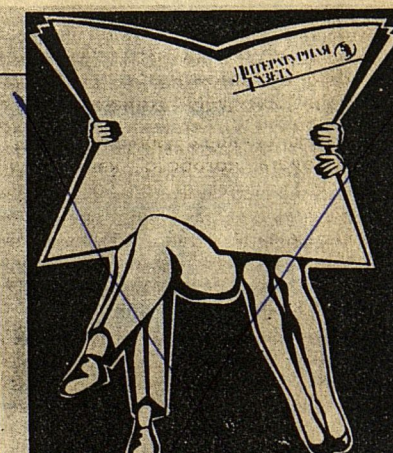
Возможно, магнетизм и опасная привлекательность власти, близости от которой работает Леонид Парфенов, со временем отразятся на его передачах. Но это мое собственное опасение, как бы предупредительное восклицание (очень хитрый ход, не правда ли?), ибо мы хорошо знаем, что такое «свитская журналистика». Пока же автор «Портретов», на мой взгляд, является журналистом par excellence, то есть человеком — таких немного на нашем ТВ, — осознавшим на своем — именно и точно на своем! — месте собственную силу. Силу четвертой власти. Она ему необходима и достаточна. Распоряжается он ею, оберегая свою автономию как единственный гарант свободы слова. Парфенова трудно вообразить заигрывающим с истеблишментом (в сторону которого, мне кажется, посматривают некоторые из ведущих «Вестей» — они видят себя отраженными именно в его зеркале, работают на «его» впечатление) или расширяющим спектр своей популярности в смокинге и бабочке на представлении Вероники Кастро — или кто там следующий на очереди — Ракель Гера? Парфенов и вместе с ним пока еще редкие единицы из тележурналистов ощущают свой материал и профессию как власть. Оттого и нет смысла двигаться в сторону власти ортодоксальной.

И тем не менее... тем не менее данные социологов из месяца в месяц показывают, что программу Леонида Парфенова смотрит всего лишь восемь или десять процентов зрителей. Зато по рейтингу критиков он всегда наверху. Вопрос, быть может, для Парфенова большой, хотя его имидж, им же самим и созданный, подталкивает к мысли, что ему наплевать. Ну, выглядит он так. Однако вдруг случится, что и для нашего ТВ зрительский рейтинг станет величиной значимой?

Но любая цифра относительна. Можно успокоиться, сославшись на усталозатенно-пассивное состояние общества. Но есть и другая причина, по которой стоит отменить волнения: телевидение имеет право на элитарную политическую программу. Почему политикой — на том уровне, который предлагает Парфенов, — должны интересоваться самые широкие массы? Эти массы уже сказали «нет» говорящим политическим головам. Этим массам преподнесли несколько шикарных подарков в

красивой упаковке, подарки импортные. И правильно сделали — верной дорогой идете, товарищи! Закупайте еще. Но элита — и даже шире, чем элита, — если каждый десятый хочет своего, соразмерного. Вот для нее — Анджей Вайда или Леонид Парфенов. Только не пугайтесь того, что рядом поставлены эти два имени — уже представляю насмерть испуганного интеллигента, который возмущался: мальчишку рядом с гигантом! На телеэкране они могут стоять рядом, у каждого — своя ниша. Естественному процессу общественного расслоения соответствует нормальное расслоение телевизионных программ «для всех» и «для избранных», что происходит у нас болезненно и с причитаниями лишь потому, что программ фактически две. Оттого и давка. Впрочем, это уже не о Парфенове, а у нас все-таки портрет.

Титры вылезают один из другого, как из кошевого яйца: телекомпания «Останкино» — студия «Политика» — объединение «Намедни» — программа «Портрет на фоне». Появляется Леонид Парфенов, идет по городу, сомнамбулически разговаривая сам с собой, сумрачно смотрит на зрителя, язвит не улыбаясь. Ну, очень суровое поколение...

ВЫПИСЫВАЙТЕ
С ЛЮБОГО МЕСЯЦА
ПОКУПАЙТЕ
ПО СРЕДАМ
ЧИТАЙТЕ
ВСЮ НЕДЕЛЮ